

и г о р ь
богданов

РУССКИЙ
ГУЛЛИБЕР

ФЕДОРОВ В КИНО

Игорь Алексеевич Богданов Федоров в кино

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27050957

Фёдоров в кино:

ISBN 978-5-91627-079-2

Аннотация

Игорь Богданов – легендарная фигура «уральского постомодернизма» конца 80-ых начала 90-ых годов. Критики сравнивали его иронический стиль с «северянинским», пытались соотнести с «куртуазным- маньеризмом», перестроечными Иргеньевым и Кибировым, но всегда отмечали, что в своем романтическом простодушии Богданов – уникален. Самодостаточный, узнаваемый почерк Игоря Богданова создает удивительно яркие и смешные картины Среднего Урала конца века, рисует лица литературной богемы, погруженной в стихию народной жизни, и, по существу, предлагает одну из парадоксальных интерпретаций новейшей истории. Сам Богданов сообщает о себе следующее: «Родился в 1960 году в селе Петрокаменское и с тех пор никак не может избавиться от зависимости от больших пространств. Перебравшись в город и безуспешно попробовав стать пролетарием, поступил на факультет иностранных языков Свердловского государственного пединститута, который и закончил в 1989 году, попутно познакомившись с многими интересными людьми, ставшими

персонажами его стихов. Первая публикация состоялась в журнале «Урал» – под одной обложкой с руководителем «Русского Гулливера». В книгу вошли некоторые стихотворения, написанные в течение последних 25 лет.

Содержание

Александр Верников об Игоре Богданове	7
Про Федорова	10
Федоров в кино	13
Федоров на тусовке	16
Федоров в больнице	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Игорь Богданов Фёдоров в кино

Игорь Богданов – легендарная фигура «уральского постомодернизма» конца 80-ых начала 90-ых годов. Критики сравнивали его иронический стиль с «северянинским», пытались соотнести с «куртуазным маньеризмом», перестроечными Иртеньевым и Кибировым, но всегда отмечали, что в своем романтическом простодушии Богданов – уникален. Самодостаточный, узнаваемый почерк Игоря Богданова со-

здает удивительно яркие и смешные картины Среднего Урала конца века, рисует лица литературной богемы, погруженной в стихию народной жизни, и, по существу, предлагает одну из парадоксальных интерпретаций новейшей истории. Сам Богданов сообщает о себе следующее: «Родился в 1960 году в селе Петрокаменское и с тех пор никак не может избавиться от зависимости от больших пространств. Перебравшись в город и безуспешно попробовав стать пролетарием, поступил на факультет иностранных языков Свердловского государственного педагогического института, который и закончил в 1989 году, попутно познакомившись с многими интересными людьми, ставшими персонажами его стихов. Первая публикация состоялась в журнале «Урал» – под одной обложкой с руководителем «Русского Гулливера». В книгу вошли некоторые стихотворения, написанные в течение последних 25 лет.

Александр Верников

об Игоре Богданове

При всем, вроде бы, очевидном сходстве с Игорем Северяниным Игорь Богданов чудовищно своеобразен и неподражаем как поэт. И неподражаемость эта, парадоксальным образом, состоит как раз – и в том числе – в том, что он единственный за последнюю сотню лет русский стихотворец, интонация и голос которого по эстетству родственны северянинским, а потому как бы создают и даже продолжают столь нехарактерную для нас поэтическую традицию – язык с трудом поворачивается назвать ее салонной, если не связывать «салонность» с салоном общественного транспорта, а конкретнее трамвая, откуда у Богданова очень часто и раздается голос его лирического героя Федорова.

«Поздний», эстонско-эмиграционного периода Северянин-Лотарев, писал иначе по сравнению с собой начала прошлого века, когда был избран Королем поэтов. Позднего же Богданова попросту не существует: он весь осуществился, свершился и остался в позднеперестроечном Свердловске, на самом пороге превращения того в Екатеринбург и родину первого российского президента:

На трамвае железном, на трамвае свердловском,

Так кататься желанно, удила закусив:
Сколько розовых женщин, сколько роз, сколько лоска,
Каждый юн и прекрасен, каждый смел и красив!
На трамвае до неба, на трамвае – до рая!...

Про трамвай, как некое судьбоносное транспортное средство, у Богданова, т.е. у его лирического альтер-эго Федорова – очень много, и очень много дивного, неожиданного крайне.

Несмотря на то, что еще в Свердловске и уже в Е-бурге много и плотно общался, и в столь понятной атмосфере диких возлияний дружил и с Александром Еременко, тоже однажды коронованным в Короли поэтов, и с Борисом Рыжым, ныне ставшим едва ли не иконой русской поэзии рубежа веков и тысячелетий, Богданов не испытал на себе ни малейшего влияния ни того ни другого. По сути, впрочем и по звучанию, его «поэзы», не имеют ничего общего и со стихами также перестроечно-знаменитых Игоря Иртенева и Тимура Кибирова, «тоже» ироников и даже отчасти сатириков. Но все дело в том, что Богданов никакой не ироник и тем более, не сатирик: в столь самобытной манере он попросту фиксирует и выражает свое природное, иначе говоря гениальное, восприятие окружающего и нутряного. Параллели же с куртуазными маньеристами во главе с Вадимом Степанцовым были бы в случае Богданова еще более инвалидными.

В самом конце восьмидесятых и в девяностых богданов-

ских хрестоматийный цикл длинных стихотворений про Федорова многожды публиковался в периодике и антологиях поэзии, однако полной коллекции жемчужин и целых жемчужных ожерелий от Богданова еще никогда не собиралось и не представлялось вниманию публики.

Ну вот, двадцать лет спустя данная книга восполняет сей досадный пробел.

Кельт

Про Федорова

Я вырос на полях моей страны,
Но в город существо мое одето,
В бетон, где удивительно равны,
Где одинаково странны зима и лето.

Зима и лето в городе моем
Лежат бок о бок, песней завывая,
Как рельсы, плачущие под дождем
В напрасном ожидании трамвая.

Над ними же – причудливая вязь
Мостов, соединяющих деревья,
И гордая ночная перевязь
Дымов сталелитейного кочевья.

Фонарики дрожат из темноты
Застенчивым песочным волчьим глазом,
И город спит, недоспустив порты,
Сраженный непонятным русским сглазом.

По зеркалу реки, не торопясь,
Проходят электрические тени,
И машет сигаретой, не таясь,
Ругающийся сам с собою гений.

Неся случайных пленных на плечах,
Проходит торопливо третья стража,
Устав от долгой битвы на мечах
Во время делового абордажа.

И наступает час, и город тих,
И только в глубине чертогов тайных
Мохнатый дворник, от природы лих,
Бросает на плиту пузатый чайник.

Нет ничего прочнее тишины.
Но вот с повязкой утра выше локтя
Трубит завод с небесной вышины,
Отлитой из лазуревое дегтя.

Ура, ура! Опять в который раз
Проснулись мы и, слава Богу, живы,
И гроыхает в кухне легкий таз,
И сладостно побаливают жилы.

И ждет нас много света впереди,
Неутоленной радости работы, —
Так, позабыв про отжитые дни,
Пойдем вперед без страха и заботы.

И в городе, где все кругом равны,
Я вспомнил охранительное слово:
Я вырос на полях моей страны,

И все, что происходит, мне не ново.

Федоров в кино

Одни сидят себе наискосок
По параллельно сомкнутым клозетам,
Другие хлещут виноградный сок,
Сверяя время жизни по газетам.

Еще другие жмутся у окна,
Расплющив нос об улицу ночную,
Четвертые приходят в парах, на
Плечах имея женщину живую.

То пятый, то десятый пробежит,
Давя зубами крышку бутерброда.
Лишь Федоров один, как Вечный Жид,
Стоит, дивясь скоплению народа.

Вот дан организующий звонок —
И темнота распаивает двери,
И залу наполняет шелест ног,
Стихая наполнения по мере.

Устроились. Последний свет погас,
Устроились влюбленных поцелуи.
И кто-то, скрытый от нескромных глаз,
Пускает в кресло газовые струи.

Движенье по рядам. Но вдруг – молчок!
Гранитные крестьянка и рабочий
Вращаются, как медленный волчок,
На красном полотне, беду пророча.

Столица! Твой очередной привет
Находит отклик в сердце самом грубом, —
И зал затих, не дожевав котлет,
Подрагивая лошадиным крупом.

Однако, вольно! Задом наперед
Проносится по полю чужестранец.
И зал, сорвавшись с голоса, орет:
«Крути назад историю, засранец!»

Минутное волнение улеглось,
И снова зал охвачен общим делом:
Кто ест, кому забыться удалось,
Кто просто налегке душой и телом.

Меж тем экран давно опять живой:
Исправившийся всадник едет шагом,
Чтоб поплатиться буйной головой
Над запорожским сумрачным оврагом.

Потом любовь, интрига и война,
И палец режиссера по ошибке,
И роковая женщина – она

О двух ногах, браслетах и улыбке.

Волнующий момент! – и поворот
Го лов по ходу быстрого удара,
И реку жизни переходят вброд
Красивые, как русские, татары.

Финальный титр – и зал бежит, как тигр,
Навстречу сумеркам, такси и сигаретам,
Любовники, уставшие от игр,
Распихивают женщин по каретам.

Последний шорох, скрип – и тишина.
Никто не спит в проходе между кресел.
И внешний воздух крепости вина
Проходит по рядам, драчлив и весел...

Из всех искусств важнейшее – кино,
Сказал Ильич, за ним – Дорогокупля.
Лишь Федоров, все знающий давно,
Сидел, как мертвый, в ожиданьи дубля.

Федоров на тусовке

Тусовка состоит из трех частей:
Из музыки, поэзии и чая.
Туда приходит множество гостей,
От темноты и осени скучая.

Сначала все садятся по местам,
С запинкою читают манифесты,
В которых – посторонняя беда,
И глад, и мор, и скорые аресты.

Затем поэтов торопливый рой —
С улыбкою во внутреннем кармане
Они ломают музыкантов строй,
Распаренных, как веники из бани.

С прорехой рта и самодельных брюк
Выходит к свету фокусник, имея
Веревки тюк. Он приготовил трюк,
Он дым пускает, жизни не жалея.

Заламывая крылья, херувим
Абстрактную растягивает сетку,
Лишь Федоров, терпением храним,
Не может наглядеться на соседку.

«О милое лицо, зачем ты здесь?
На улицах еще возможно лето,
И легкий ток пока еще не весь
Оформлен в провода сигнальным светом», —

Так думал Федоров, дыханье затаив,
А на тусовке раздавал подковки
Администратор. Вкрадчиво-игрив,
Он брал взамен рубли для тренировки.

А наверху, где задом наперед
Реальности развешены портреты,
Тусовка стягивает поскучевший рот
В оранжевую дырку сигареты.

Буфет открыт – и в зале звон корыт,
Сдвигаются попарно лимонады,
И кто-то уже валится с копыт,
Весь красный от нечаянной помады.

Вот, наконец, объявлено кино,
И все бегут, на части рассыпаясь,
И допивают на ходу вино,
Друг другу не по-русски представляясь.

И время поворачивает вспять,
Огнем сталелитейного экрана
Опалено. Лишь Федоров опять

Сидит, как незализанная рана...

Тусовка состоит из трех частей:
Удар, ответ – и снова подтасовка,
И Федоров, забыв спросить гостей,
Идет домой, шаги меняя ловко.

Ему навстречу белый херувим —
Последние напрасные уловки!—
Выходит из кустов, а вслед за ним
И фокусник, взопревший от шнуровки.

А вслед за ними – улица одна
Да звуки близящейся потасовки —
То хулиганы, выпив все до дна,
Поймали кайф. У них своя тусовка.

Федоров в больнице

Прости мне, милая, мой выговор простой

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.